

Портяков В.Я. Шэньчжэньский камертон. Трансформация модели экономического роста в Китае и развитие Шэньчжэня: монография / В.Я. Портяков. М.: ИД «Форум», 2017. 156 с.

Приступившая в 1978 г. к политике реформ и открытости, КНР перешла за краткий по историческим меркам период из состояния отсталости и нищеты к статусу второй экономики мира, благополучно миновав мировые финансово-экономические кризисы 1997 и 2008–2009 гг., и развернула строительство инновационного государства.

Рецензируемая монография доктора экономических наук, профессора В.Я. Портякова представляет собой уникальное для российского и зарубежного китаеведения научное исследование с высокопрофессиональным анализом процессов развития КНР в период реформ и становления г. Шэньчжэня в качестве их «испытательного полигона», отвечающее на один из важнейших вопросов современности — как Китаю удалось достичь его выдающихся успехов. Данная монография представляет собой единственный в России научный труд по проблематике экономического развития Шэньчжэня и его влияния на развитие всей страны. Особую актуальность исследованию придает то, что Шэньчжэнь наряду с двумя другими мегаполисами, Пекином и Шанхаем, призван обрести в ближайшем будущем статус инновационного города.

Структурно монография состоит из краткого введения, шести глав и заключения с обзором основных тенденций сегодняшнего дня в Шэньчжэне.

Монография содержит богатую фактуру, опирающуюся преимущественно на китайские первоисточники (что придает ей особую весомость), при этом не игнорируются и источники на русском, английском языках. Выводам автора присущи глубина и самостоятельность, причем опираются они не только на авторитетные статистические данные, но и на законодательные акты КНР, на политические решения китайских руководителей центрального и городского уровней.

Первая глава включает научно обоснованную периодизацию истории экономического развития Шэньчжэня в 1980–2012 гг. с разбивкой на три этапа.

На первом этапе (1980–1991 гг.) произошло становление одноименной Свободной экономической зоны (СЭЗ), Шэньчжэнь превратился в крупный современный город с такими важными функциями, как обретение опыта на-

лаживания и развития внешнеэкономических связей, экспериментальная проверка механизмов внедрения рыночных принципов в организацию экономической жизни. За 1980–1991 гг. ВРП Шэньчжэня возрос в 144 раза, число промышленных предприятий — более чем в 16 раз, появились первые капиталоемкие и высокотехнологичные предприятия, кратно выросли масштабы внешнеэкономической деятельности.

На втором этапе (1992–2003 гг.): в рамках СЭЗ Шэньчжэнь углублялись рыночные преобразования в экономике, включая эксперименты по освоению функций «мировой фабрики»; отработывалась модель «управления на основе закона»; наблюдалось становление рынка акций; были учреждены площадки для торговли акциями малых и средних предприятий, а также высокотехнологичных компаний; шло опережающее развитие зон бесполошинной торговли Футянь, Шатоуцзяо и Яньтянь. Шэньчжэнь демонстрировал успешное развитие во многих сферах: население почти утроилось, ВРП вырос в 9,4 раза, внешнеторговый оборот — в 3,7 раза, объем прямых иностранных инвестиций — более чем семикратно. В городе функционировало 12 тыс. предприятий с иностранным капиталом из 66 стран, дававших около 80% объема промышленного производства (в 2000 г. доля высокотехнологичной продукции превысила 42%). Годом ранее в Шэньчжэне стали проводиться на регулярной основе всекитайские ярмарки научно-технических достижений.

Автор подчеркивает негативное воздействие на Шэньчжэнь азиатского финансового кризиса 1997 г. и указывает на снижение посреднической роли Гонконга в экономических связях КНР с миром после ее вступления в ВТО в 2001 г.

Соответственно, *на третьем этапе (2003–2012 гг.)* Шэньчжэню пришлось взять новый старт в развитии: на первое место выдвинулись инновационные и интеграционные (по отношению к Гонконгу) функции. В ответ на установки центральных властей был взят курс на ускоренное развитие высокотехнологичных отраслей обрабатывающей индустрии — особенно в разработке собственных торговых марок и серийном производстве продукции собственных торговых марок.

В 2005 г. доля затрат на НИОКР в Шэньчжэне оказалась втрое выше, чем в среднем по стране, а год спустя доля высокотехнологичной продукции составила более половины его промышленного производства (58% его основывалась на своей интеллектуальной собственности). Число высокотехнологичных компаний превысило 1500 единиц, причем ряд из них в дальнейшем стали крупными компаниями, широко известными в КНР и за рубежом, такими, как «Хуавэй», «Бияди» (BYD) и пр.

Ныне, пишет В.Я. Портяков, рассматривается перспектива преобразования Гонконга и Шэньчжэня в единую крупную городскую агломерацию (Сячжэнь), сопоставимую с Нью-Йорком и Лондоном, в связи с чем он делает интересный вывод: курс на интеграцию Шэньчжэня с Гонконгом «призван обеспечить не только текущие бытовые и экономические выгоды, но и, в перспективе, мягкую стыковку Гонконга с материком в случае, если сохранение за ним особых прав в рамках курса «одна страна — два строя» не произойдет после завершения 50-летнего переходного периода (начавшегося в 1997 г.) (с. 22).

Вот как характеризует В.Я. Портяков развитие Шэньчжэня в 2003–2012 гг.: население выросло в 1,4 раза, ВРП — в 3,6 раза, объемы внешнеторгового оборота — вчетверо, прямых иностранных инвестиций — почти в полтора раза. В структуре экономики доля первого подразделения общественного производства в ВРП с 2011 г. оценивается как нулевая, доли второго и третьего составляют 46,5% и 53,5% соответственно (с. 23).

Как уже отмечалось, автор расценивает Шэньчжэнь не только как символ успеха внешнеэкономической открытости Китая, но и как экспериментальную площадку многих конкретных реформ. Он определяет настрой на новаторство как ключевую специфику Шэньчжэня, которая сохранится, по его прогнозам, до середины XXI века (с. 4–25).

Во **второй главе**, посвященной трансформации модели экономического роста (перехода КНР от экстенсивного к интенсивному развитию), В.Я. Портяков подчеркивает: главным фактором, тормозящим трансформацию его существующей модели, является устремленность китайских элит — особенно региональных — к сверхвысоким темпам роста ВВП/ВРП за счет наращивания экспорта и инвестиционной накачки экономики. По мнению Портякова, современное китайское руководство во главе с Си Цзиньпином в условиях снижения темпов экономического роста расценивает трансформацию модели роста как долговременный процесс, призванный постепенно вы-

править перекосы в экономике в сторону увеличения в ВВП доли конечного потребления и максимально сохранить сравнительные преимущества существующей экспортно ориентированной модели роста. Важное место при этом отводится расширению внутреннего спроса при сохранении достаточно высокой доли экспорта и инвестиций в ВВП (на уровне 20% и 35% соответственно). Наиболее существенные проблемы корректировки структуры общественного производства автор видит в сокращении избыточных производственных мощностей, концентрации производства, развитии новых стратегических отраслей и, следовательно, в наращивании научно-технического потенциала, повышении расходов на НИОКР в высокотехнологичных отраслях, оптимизации структуры этих расходов.

В целом, по оценке В.Я. Портякова, пока что нет оснований говорить о кардинальных сдвигах в деле трансформации модели экономического роста: в настоящее время происходит лишь некоторая модификация соотношения факторов роста (с. 25–45).

В **третьей главе** речь идет о том, как, с одной стороны, модификация модели роста в КНР отразилась на развитии экономики Шэньчжэня, и чем, с другой стороны, опыт Шэньчжэня по апробированию новаций в экономическом росте может быть полезен для КНР в целом. Согласно анализу автора, у реализуемой в Шэньчжэне в 2011–2015 гг. модели экономического роста есть сходство с общеазиатскими тенденциями, но налицо и свои особенности.

В этот период Шэньчжэнь вел поиск внутренних факторов роста по нескольким направлениям: снижение удельных затрат электроэнергии и других первичных ресурсов на выработку единицы продукции, структурные изменения в экономике при сохранении ключевой роли промышленности в экономическом развитии города (где наблюдался устойчивый рост сферы услуг за счет постепенного сокращения доли второго подразделения в ВРП), развитие новых стратегических отраслей с акцентом на высокотехнологичные производства.

Автор констатирует, что в Шэньчжэне сформировался классический кластер инновационного развития, чему в немалой степени способствовали центральные и местные власти. Отмечено, что передовой характер экономики этого мегаполиса отражается в высокой доле в ней сферы услуг. Доказывается, что модификацию модели экономического роста здесь отражают подвижки в структуре промышленного производства и сферы услуг, причем повышение роли потребления как фактора экономического роста имеет свои трудности как в Шэньчжэне, так и в стране в целом. Касательно обратного воздейст-

вия шэньчжэньской практики на модификацию модели экономического роста в КНР автор обращает внимание на удачный опыт мегаполиса по освоению в сжатые сроки новых и «дружественных к экологии» технологий, а также по перефилированию многих средних и малых предприятий на выпуск более современных видов продукции (с. 49–61).

Четвертая глава посвящена социальным процессам и проблемам Шэньчжэня в период реформ. За этот период его население увеличилось более чем в 300 раз, большинство не имеет местной прописки — отсюда проблема разного статуса и неравенства прав жителей Шэньчжэня, которую в экспериментальном порядке пытаются ныне решать власти города. Среди особенностей Шэньчжэня: более высокий, чем в среднем по стране, естественный прирост населения, высокая доля лиц трудоспособного возраста, существенно более низкий уровень безработицы. Однако конкурентные преимущества города по уровню зарплаты, особенно в высокотехнологических отраслях, постепенно снижаются, что ведет к дефициту квалифицированных кадров. Разрыв в доходах здесь меньше, чем в целом по стране.

Городские власти уделяют приоритетное внимание развитию образования, медицинского обслуживания, социальному страхованию. В городе весьма активно работают профсоюзные организации.

Автор предрекает, что протекающие в социальной сфере Шэньчжэня процессы могут обрести общеитайские масштабы. Однако, вопреки этому, он обратил внимание и на снижение социальной привлекательности данного мегаполиса, прежде всего, ввиду развития внутренних районов КНР.

Отметив усиление социального вектора в экономической жизни Шэньчжэня, В.Я. Портяков, однако, приходит к выводу, что говорить о формировании социально ориентированной рыночной экономики — пока преждевременно. Согласно объективной оценке ученого, досконально владеющего предметом исследования, социальная ориентация здесь постепенно превращается из инструмента обеспечения роста экономики в одну из главнейших целей экономического развития (с. 64–73).

Особенно интересна, по нашему мнению, **пятая глава**, озаглавленная «Интеграционные процессы в дельте реки Чжужэнь и роль Шэньчжэня». Она имеет важное значение для понимания места и роли этого мегаполиса в системе внутризкономических и внешнеэкономических связей КНР.

Дельта реки Чжужэнь — одна из трех территорий интенсивного развития интеграци-

онных процессов в Китае, к 2020 г. здесь намечено осуществить в основном социалистическую модернизацию — прежде всего путем более тесного экономического и социального сотрудничества городов, подразделяющихся на три группы: «гуанчжоуский узел» (Гуанчжоу, Фошань, Чжаоцин), «шэньчжэньский узел» (Шэньчжэнь, Дунгуань, Хойчжоу) и «чжухайский узел» (Чжухай, Чжуншань и Цзянмэнь). Первый из них значительно превосходит «шэньчжэньский» по территории и незначительно — по объему ВРП. Но по объему внешней торговли («шэньчжэньский узел») — неоспоримый лидер в дельте.

Автор доказывает, что Шэньчжэнь есть ключевое звено в деле интеграции дельты реки Чжужэнь с Гонконгом и Аомэнем. Ее экономическое развитие призвано также содействовать подъему других провинций и городов КНР, а саму дельту вместе с названными провинциями, Гонконгом и Макао, подчас именуется «Панчжужэньским» регионом (с. 76–84).

Шестая глава посвящена проблематике экономического роста в Китае на современном этапе. В качестве ключевой задачи 12-й, да и 13-й, пятилеток означена трансформация модели экономического роста, которую также именуют «новой нормальностью» (развитие вслед за кризисом 2008–2009 г. в условиях постепенного снижения темпов прироста ВВП, перехода от наращивания инвестиций и экспорта к акценту на внутреннее потребление, стимулирование научно-технического прогресса).

По мнению автора, для Китая ближайшие несколько лет будут трудными в экономическом и социальном отношении. Он называет три возможных сценария развития страны до 2020 г.:

при улучшении ситуации на мировых рынках возможно дальнейшее наращивание экспорта, развитие новых высокотехнологических производств и достижение темпов роста в 6,5%;

достижение требуемых темпов роста за счет дополнительных инвестиций и «мягкой» кредитно-денежной политики (что сулит временный эффект, но чревато проблемами после 2020 г.);

«жесткая посадка» — спад прироста ВВП на 5 процентных пунктов (что в ближайшие годы маловероятно).

В.Я. Портяков развивает здесь соображения о ключевых проблемах, тормозящих трансформацию модели экономического роста — наличие избыточных производственных мощностей и сокращение в последние годы объемов внешней торговли.

Решению этих проблем руководство страны уделяет серьезное внимание: с 2013 г. Китай занялся сокращением производственных

мощностей, поиском рынков сбыта продукции отраслей с избыточным объемом мощностей и производства, частичным выводом за рубеж избыточных производственных мощностей.

На падение внешнеторгового товарооборота Китай ответил дальнейшим углублением политики внешнеэкономической открытости при всемерном улучшении условий ведения внешней торговли. Инициатива «Одного пояса, одного пути» есть стратегический шаг в решении указанной проблемы на долгосрочную перспективу.

Параллельно прилагаются усилия к улучшению ситуации с внешней торговлей в обозримой перспективе.

Тем не менее, по мнению В.Я. Портякова, в ближайшие годы негативная тенденция ослабления роли экспорта как рычага экономического роста в Китае сохранится. В целом, проволочки во всестороннем углублении реформы, декларированном в КНР с ноября 2013 г., автор монографии объясняет масштабностью намеченных преобразований (60 направлений реформы, затрагивающих все сферы жизни общества), а также противоречиями между задачами совершенствования хозяйственного механизма и необходимостью обеспечения экономического роста, противодействия преобразованиям со стороны групп интересов, противоречиями между рыночной экономикой и коммунистической политической системой (с. 84–101).

Завершая свою монографию, автор сопоставляет показатели экономического роста Китая и Шэньчжэня в 2016 г. Его вывод: экономическое развитие города в общем и целом вписывалось в общекайтайские тенденции, но имело и свою специфику: более высокий прирост валового продукта, более высокий удельный вес сферы услуг в ВРП, более низкий прирост общественного розничного товарооборота, более заметное сокращение внешнеторгового товарооборота, чем в среднем по стране.

В качестве главного ориентира Шэньчжэня в 13-й пятилетке автор называет укрепление его роли первопроходца реформ и авангарда в инновационном развитии, упрочение статуса мощного международного центра самых современных видов перерабатывающей промышленности (с. 102–103).

Отмечая безусловно высокую значимость для российского и мирового китаеведе-

ния научных выводов, представленных в монографии, не будет лишним обратить внимание и на некоторые дискуссионные моменты. По нашему мнению, в силу значительной неравномерности развития регионов КНР опыт Шэньчжэня в проведении реформ может быть полезен лишь для некоторых регионов, имеющих сопоставимые с Шэньчжэнем условия и ресурсы для экономического роста. Напомним, что согласно «Программе освоения основных функциональных районов Китая» с 2010 г. все регионы КНР распределены по четырем группам функциональных районов: оптимальные, приоритетные, ограниченные и запрещенные для освоения районы. Роль полюсов инновационного развития отведена лишь оптимальным для освоения районам, куда входят район кольца Бохайского залива, дельты рек Янцзы и Чжуцзян. Приоритетным для освоения районам отводится вспомогательная роль в развитии ключевых инновационных полюсов, то есть предоставлять оптимальным для освоения районам нужные ресурсы, забирая избыточные ресурсы. Задача ограниченных для освоения районов — обеспечивать страну безопасной сельскохозяйственной продукцией. Запрещенные для освоения районы — это заповедные зоны, основная задача которых — сохранение естественной экологической системы Китая. В этом раскладе Шэньчжэнь можно признать «камертоном» социально-экономического развития лишь для группы оптимальных для освоения районов КНР.

По нашему мнению, экономические реформы и их результаты в Шэньчжэне можно было бы сопоставить с реформами и их результатами в двух других китайских мегаполисах, претендующих на статус инновационных — Пекине и Шанхае.

Наконец, включенное в монографию приложение, которое содержит англоязычные версии некоторых ее глав, смотрелось бы выигрышней, если бы там были представлены все главы на английском языке: в этом случае книгу можно было бы разместить в ведущих международных базах данных, что способствовало бы наилучшей ее популяризации за рубежом.

В целом отмеченные замечания носят дискуссионный характер и, разумеется, ни в коей мере не умаляют ценности рецензируемой работы.